

Ложь и младший школьник

Только у дошкольника ложь – до определенного времени в каком-то смысле позитивный признак развития интеллекта. Конечно, она и в дальнейшем связана с интеллектом, но становится уже негативным знаком, свидетельствующим об изоэренной направленности ума не на поддержание искренних отношений со взрослым, а на поиск обходных путей достижения желаемого результата при отсутствии взаимопонимания в семье. Стоит еще раз подчеркнуть, что если доверие сформировалось, пока ребенок был маленьким, то с возрастом он будет дорожить им еще больше. А потому условий для лжи окажется меньше.

Но это не означает, что при теплых отношениях ребенок никогда не соврет. Младший школьник намного умнее дошкольника, у него лучше развита память и больше желаний. Если он не доверяет родителям, то у него и больше причин для лжи. Но сложности, встречающиеся в жизни, могут привести ко лжи любого ребенка. Мышления в этом возрасте еще не хватает для того, чтобы умело скрыть ложь от взрослых.

Обучение в школе и освоение новых навыков, требуемых родителями и учителями, создают дополнительную почву для лжи. И вновь именно реакция взрослых на поведение ребенка обусловит его лживость или правдивость.

Важнейшая причина лжи в этом возрасте – сравнение. Если что-то не удается в учении, то родители часто сравнивают успехи своего чада с успехами его одноклассников: «Посмотри, какая Маша молодец – она получает одни пятерки» (или «она делает все аккуратно», или что-то еще). И тогда появляется желание реабилитироваться, но не за счет лучшего исполнения (ему нужно учиться, и без взрослого это сложно), а за счет фантазии или наказания воображаемого обидчика. И ребенок начинает придумывать себе достоинства. В данном случае родители должны сравнивать ребенка не с кем-то еще, а с самим собой вчерашним и радоваться, что у него появились прогрессивные изменения. Тогда ребенок поймет, что у него есть шанс стать лучше, и будет учиться, чтобы расти дальше.

Родители предъявляют к школьникам большие требования, чем к дошкольникам, и это естественно. Но весьма часто эти требования завышены, а наказание – слишком серьезно. И ребенку ничего не остается, кроме лжи.

Можно вспомнить ситуацию, описанную Михаилом Зощенко в автобиографическом рассказе «Дневник». Минька был очень правильным ребенком и старался выполнять все требования взрослых. Но когда он пошел в школу, ему многого не объяснили. И в силу некоторых обстоятельств, в большей степени от него не зависящих, он получил двойку. Двойку учитель поставил в дневник. Минька сперва даже и не понял последствий, вытекающих из ее получения. Отец обещал мальчику купить фотоаппарат, если тот будет хорошо учиться. Старшая сестра, сведущая во многих делах, объяснила Миньке, что если папа увидит двойку, то о фотоаппарате можно забыть. Она же и придумала, как лучше выйти из положения: нужно потерять дневник. Загнанный в угол мальчишка «терял дневник» несколько раз, пока отец не обнаружил один из них с двойкой. Тогда Минька от безысходности признался в том, что есть еще несколько дневников. И когда учитель, обнаруживший один из дневников за школьным шкафом, заявил отцу, что его сын – лжец, отец встал на защиту своего

ребенка, сообщив, что уже знает про множество дневников. Отец похвалил сына за честность и подарил фотоаппарат.

В рамках школьных занятий необходимо научить ребенка справляться с поражениями. Впереди их будет много. Есть люди, которые, испытав первое поражение, не имея поддержки близких, навсегда уходили в мир фантазий. Но есть и такие, для которых поражение становилось трамплином к будущим успехам. Например, А. Адлер в детстве плохо учился. Учитель сказал его отцу, что из сына вырастет только сапожник, поскольку он никогда не освоит математику. На это заявление ментора отец ответил, что его сын никогда не станет сапожником. Вернувшись домой, отец сам сел с сыном за уроки. Они интенсивно занимались математикой по вечерам. Через некоторое время Адлер стал первым учеником в классе по этому предмету, а затем, получив удовольствие от первого успеха, уже сам стал подтягивать себя и по другим предметам. Стоит отметить, что отец Адлера не учинил расправу над сыном. Он сделал важнейшую работу родителя – научил учиться и получать удовольствие от успешно проделанной работы.

Однажды мне пришлось вести урок в первом классе. Я задала детям вопрос:

– Были ли случаи в вашей жизни, когда вы совершили проступок, но вас не наказали?

Большинство учеников вытянули руки в страстном желании рассказать о том, как это было у них. Один мальчик сказал, что он без спросу взял у бабушки деньги, но она, обнаружив пропажу, его не наказала. На вопрос:

– А ты еще раз так поступишь? – Мальчик отрицательно покачал головой и сказал весьма проникновенно:

– Нет. – Чувствовалось, что благодарность переполняла его душу, и ему очень хотелось оправдать оказанное ему доверие.

Дети бывают очень тронуты, когда взрослые не торопятся с расправой. В этот момент им хочется соответствовать требованиям родителей и быть «хорошими».

Я помню, как в моем послевоенном детстве в глухом сибирском городке произошла невероятная радость – мама привезла из поездки фантастические апельсины. Стоит сказать, что тогда их не то что не было в магазинах – о них даже не мечтали. Мне было пять лет. Мама отдала каждому из наших родственников по одному апельсину. Бабушка положила свой фрукт на стол, собираясь съесть его позднее. Увидев на столе оранжевое чудо, я не могла удержаться и съела апельсин. Но поскольку была еще мала и не думала о последствиях, то все корочки остались на виду, так что любой мог догадаться, кто съел апельсин. Я помню, как бабушка с недоумением обнаружила корочки. Но никто не стал ничего выяснять, мама достала «из запасника» другой и отдала бабушке. Меня никто не наказал, даже ничего не сказал, но я запомнила этот случай навсегда. И никогда в будущем у меня не возникало желания взять чужое. В тот момент мне вдруг стало очень жалко бабушку, не разделившую со мной восторга от необычного вкуса. Я научилась прогнозировать: вещи лежат определенным образом не потому, что случайно взяли ниоткуда. Кто-то планирует их дальнейшую судьбу. И этот же случай помогает мне сейчас понять детей, которые не сразу осознают эту мысль. Практически всегда она возникает в их голове после совершения ошибки.

В том же первом классе, где я задала вопрос о случаях избегания наказания, было несколько детей, которые так и не подняли руку. Я спросила у одной девочки:

– А тебя всегда наказывают? У тебя не было случая, когда тебя не наказали? – И она очень горько сказала: «Нет». Жаль, что эту интонацию не слышали родители, которые, возможно, полагают, что все ошибочные действия должны строго караться. Каким же образом тогда ребенок научится великодушию и щедрости?

Мы не говорим о безнаказанности. Ведь любой родитель может просто взглянуть на ребенка, чтобы понять, осознал тот суть происходящего или нет. Когда наказание чрезмерно, оно, безусловно, способно изменить поведение ребенка, но оно не закладывает основу доверия и интимности, которые сами по себе рождают желание слушаться, поступать так, чтобы не огорчать тех, кто так тебе дорог.

В. М. Конашевич, художник, создававший иллюстрации к детским книгам, в своих воспоминаниях приводит такой эпизод. Однажды в детстве, тренируясь в показывании фокусов, он сумел закрыть дверь туалета изнутри, находясь снаружи. В какой-то момент поднялся шум, все подумали, что кому-то стало плохо внутри, но когда убедились, что все на месте, взрослые решили, что это проделка юного Конашевича. Он с большой благодарностью вспоминает, что его выручила бабушка, придумавшая для него алиби. Однако когда они с бабушкой остались одни, она изрядно «намылила шею» ему.

Обсуждение неприятных событий один на один с ребенком, а не прилюдно, – необходимое условие формирования уважения человека к себе и другим. Оно создает внутреннее ощущение защищенности и уверенности в близких, в их способности подставить плечо. Бабушка солгала ради сохранения доброй репутации внука. И ему ничего не оставалось, как эту репутацию поддержать.

Стоит помнить, что великодушие – наверное, одно из самых дорогих качеств человека. Недаром его название связано с «величием души». Не стоит жестко наказывать ребенка за все проступки, особенно когда он становится школьником. Иначе у него не будет возможности самостоятельно судить о своих деяниях (поскольку взрослые уже все сделали за него). Важно, чтобы родители оставляли ребенку пространство для размышлений над последствиями его действий. Условия для этого созданы, если после обнаружения проступка взрослый показывает, как исправляется неверное решение. Важно, чтобы в действиях взрослого не было осуждения личности ребенка, но выразалось огорчение по поводу возникшей неприятной ситуации. Тогда поднимающаяся волна благодарности ребенка будет формировать в нем великодушие и стремление вершить добрые дела.

При наказании и поощрении взрослый может достигать не только прямой цели – обучения ребенка, но и получить побочные результаты: чувство мести, ненависти, неудовлетворенности собой и многое другое. Чаще всего, возможность кого-то наказать или поощрить свидетельствует о том, что человек обладает властью. Известно, что власть развращает, а абсолютная власть развращает абсолютно. В семье у родителей практически абсолютная власть над ребенком. И тогда все самое темное, что скрыто в любой личности, выходит наружу в определенных ситуациях и травмирует каждого участника событий.

Например, однажды я спросила учителя начальной школы о том, как ее наказывали в детстве. Она ответила, что ее никогда не наказывали. Очевидно, что этого не могло быть, и я уточнила: «Вы всегда все делали правильно?» «Да, я всегда все делала правильно».

Есть известный психологический феномен. Чтобы вывести человека из ситуации глухой защиты, нужно перевести вопрос в другую плоскость, например, изменить время или объект. Я спросила: «А как сейчас вы наказываете своего сына?» – «Ремнем», – ответила она уверенно. «А был ли в вашей жизни ремень?» – продолжила я. «Конечно, он всегда висел на спинке моего стула», – наконец-то появилось четкое объяснение. Глубокоуважаемый читатель, представьте, что вы ребенок, и каждый раз, опираясь на спинку стула, когда готовите домашнее задание, вы ощущаете холодную металлическую пряжку ремня. Это прикосновение быстро возвращает вас к жесткой реальности. Когда-то Жан-Жак Руссо обнаружил, что угроза наказания иногда воспринимается сильнее, чем само наказание. Эта учительница уверена, что ее не наказывали, при этом все детство она прожила в ожидании наказания, а потому старалась все делать правильно. Но сейчас она в отчаянии хлещет сына ремнем за то, что он смеет ошибаться. В этом нечто большее, чем просто наказание. В этом все эмоции несостоявшейся жизни и страх совершить свободный поступок.

В подобных случаях и поощрение, и наказание должны нести особый эмоциональный оттенок, который никогда не обнаруживается в словах, но который глубоко укореняется в психике и воздействует на всех участников, хотя они этого и не осознают.

Многие ошибки родителей возникают из-за неправильного применения дисциплинарных воздействий. Различают наказание, подкрепление и дисциплинирование. При наказании родитель делает нечто, после чего определенное поведение ребенка исчезает. Например, ребенок врал.

Родитель стал наказывать за вранье сильнее, чем за сам проступок, и ребенок перестал лгать. Подкрепление – действие, приводящее к усилению поведения ребенка, которое он демонстрировал до этого. Например, ребенок сказал правду, как Минька. И папа подарил ему фотоаппаратик. Минька в следующий раз постарается говорить только правду. Стоит подчеркнуть, что подкрепление бывает как положительным (в случае с фотоаппаратиком), так и отрицательным. При отрицательном подкреплении отец не должен покупать фотоаппаратик не только сейчас, но и пообещать ничего не дарить в неопределенном будущем. Негативное подкрепление родители часто путают с наказанием. Однако напомним, что наказание убирает реакцию, а подкрепление, даже негативное, усиливает ее. Поэтому иногда негативное подкрепление лжи превращает ее в постоянную. Родителям стоит обратить внимание на то, что если ребенок лжет часто, то, возможно, своими действиями они не наказывают его (то есть не убирают ложь), а, напротив, усиливают проявление лжи. Тогда необходимо изменить тактику взаимодействия с ребенком.

Кроме наказания и поощрения иногда выделяют дисциплинирование. Под дисциплинированием понимают обучение детей самоконтролю, показывая правильную последовательность выполнения задания и предотвращая таким образом совершение ошибок. Совершая ошибку, ребенок научается ее избегать, если ему сразу же показать правильную последовательность действий. Дисциплина помогает ребенку развивать систему ценностей. Например, благодаря дисциплине он ведет себя честно. Он знает, что такое честность и почему она важна, он видит, что родители честны с ним, и хочет походить на них.

Наказание контролирует поведение, используя боль или неприятные ощущения с целью прекратить плохое поведение в данный момент. Оно не порождает хорошее

поведение, но останавливает нежелательное. Негативное подкрепление учит детей не быть пойманными. Они стараются избегать наказания, часто при этом сохраняя само нежелательное поведение. Дисциплинированно обучает той последовательности действий, которая дает положительный эффект.

Когда члены семьи совместно выбирают те или иные поощрения и штрафы, которые становятся семейными правилами, у детей развивается умение самостоятельно решать проблемы. Социальные последствия поведения, в отличие от природных и логически обоснованных, могут быть весьма несправедливыми. Например, в известном рассказе А. Чехова про Ваньку Жукова хозяйке, вместо того чтобы «селедкиной мордой» тыкать в «харю» мальчика, следовало показать ему, как правильно чистить рыбу.

Наказание должно быть соразмерно проступку ребенка, целесообразно по форме. Например, ограничение некоторых прав ребенка, временное усиление контроля, некоторая сдержанность в общении, строгое замечание, выговор. Продуктивной формой наказания считается та, которая заставляет ребенка задуматься над проступком, критически оценить собственное поведение. Следовательно, адекватность наказания определяется тем, что родитель наблюдает за изменением поведения ребенка, а не тем, что у него внезапно созревает решение на всякий случай воспитать ребенка сейчас – когда возникло соответствующее настроение.

В основе поощрения лежит положительное подкрепление. Оно может быть как материальным, так и нематериальным: добрые слова, ласковая улыбка, теплый взгляд, положительная оценка, мягкое прикосновение. Чувство принадлежности к семье, обладающей высокими морально-нравственными качествами, – лучшая мотивация для развития соответствующих качеств у ребенка. Наградой за многие его поступки будет самоуважение. Материальное вознаграждение развращает не только взрослых, но и детей, которые начинают рано чувствовать, что ими манипулируют. Многие дети, подрастая, с трудом понимают, почему их родители думают, что они нуждаются в подачках больше, чем во внутреннем чувстве достоинства или ощущении комфорта после выполненного долга. Дети черпают поддержку в любви и добрых словах, а материальное подкрепление зачастую может только вредить.

Если ребенок сообщил, что у него в школе все замечательно, а придя на собрание, родители узнали совсем другое, значит, в какой-то момент они не услышали, что хотел сказать ребенок. Школа требует кроме учебных навыков множество социальных: умения находить друзей, договариваться с учителем, записывать домашнее задание и т. д. Не стоит полагать, что ребенок сможет легко сделать все это сам. Конечно, замечательно, если к школе он уже многое умеет. Тем не менее, стоит внимательно следить за тем, как складывается общение ребенка с одноклассниками и учителем.

Существует один важный признак неблагополучного положения ребенка в школе – проявление какого-либо соматического симптома по понедельникам или дням проверочных работ: боль в животе, головная боль, повышение температуры или рвотный рефлекс. Когда-то у моего младшего сына во время учебы в престижной школе с достаточно сложной программой каждый понедельник возникал рвотный рефлекс. Этого рефлекса никогда не было в выходные, в праздники или на каникулах. Сын моей подруги учился в том же классе. Я позвонила ей. Оказалось, что у ее сына по понедельникам раздувало живот.

Статистика свидетельствует о том, что абдоминальные (связанные с животом) боли возникают у 19 % детей в разных концах света, обычно, по понедельникам. Эти боли легче всего воспроизводятся детьми при стрессе. Возможно, читатель вспомнит мелкие неприятности с желудком, которые происходили в те моменты, когда он сдавал важные экзамены в школьные или студенческие годы. Если пребывание в школе или детском саду по какой-либо причине обременительно для ребенка, то его отрицательное эмоциональное состояние провоцирует тот или иной соматический симптом. Организм ребенка (совершенно неосознанно) экспериментирует с разными проявлениями, но останавливается на тех, которые привлекают внимание родителей и позволяют остаться дома. У меня в детстве тоже часто болел живот, поэтому я не реагировала на появление этого симптома у моего ребенка (хотя, возможно, он демонстрировал и его), поэтому сыну пришлось найти новый сигнал – рвотный рефлекс, который меня сильно обеспокоил. Особо одаренным детям удается поднять температуру тела, что позволяет совершенно легитимно оставаться дома сколько душе угодно. Легкость возникновения психосоматических расстройств у детей объясняется слабой миелинизацией нервной системы. У взрослого электрически активные нейроны покрыты особой изолирующей оболочкой – миелином. У детей нейроны достаточно долгое время остаются без такого покрытия. Это ведет к тому, что эмоциональное состояние может провоцировать дополнительное возбуждение различных центров, ответственных за активность тех или иных органов. Следствием этого может быть возникновение психосоматических симптомов.

Важно помнить, что подобное происходит неосознанно. И потому нужно воздействовать не на заболевание, а на причину, вызывающую у ребенка стресс. В этом возрасте причиной, скорее всего, являются сложности в школе. Следовательно, нужно либо научить ребенка справляться с проблемой, либо убрать саму проблему. Стоит напомнить, что в силу особенности причины наказание только ухудшит ситуацию.

В ситуации с моим сыном мы пошли по второму пути и сменили школу. Когда он первый раз пошел в нее, у него вновь возник рвотный рефлекс. Я абсолютно спокойно предложила сначала сходить в школу, а потом решить – нужен ему рвотный рефлекс или нет. Когда вы говорите такие вещи с легким юмором, не осуждая ребенка и не наказывая, симптом исчезает. Затем, когда сын учился в 11-м классе, система изменилась. Учителя в безумстве каждый день мучали подростков подготовкой к ЕГЭ, и мой сын часто стоял в ванной, откуда раздавался шум воды. Это означало, что он нагревал градусник до 37 градусов. Я никогда не говорила ему, что догадываюсь, откуда взялась температура. Однако разрешала не ходить в этот день в школу. Но обязательным условием была подготовка всех заданий и чтение учебников. Я не могла остановить школьную истерию, но могла позволить сыну отдохнуть от нее, а не от занятий. Тем не менее, когда истерия превысила все возможные пределы, я во второй четверти 11-го класса перевела его в частную школу, хотя в нашей прежней школе мне говорили, что только плохая мать может так поступать в выпускном классе. В новой школе было шесть человек в классе, что позволяло учителю любой квалификации на каждом занятии опрашивать каждого ученика. Домашние задания делали прямо в школе, после занятий, а потому школьников кормили четыре раза в день. Вечером, когда сын возвращался из школы, у меня не было необходимости терроризировать его словами: «А ты выучил уроки?» У нас появились другие темы для разговоров. Должна сказать, что уже прошло несколько лет, но я так ни разу и не спросила у сына, какие

итоговые оценки за четверти он получал в 11-м классе. Появилась уникальная возможность переложить ответственность за поступление в вуз на него, а не идти на поводу системы, направленной не на процесс обучения, а на подготовку к экзаменам. Чтобы добраться вовремя до прежней школы, нужно было выходить из дома в восемь утра, до новой – в шесть. Тем не менее, после перевода сын ни разу не болел и не грел градусник под горячей водой.

Дети не могут решить все проблемы. Но когда появляются первые психосоматические симптомы, необходимо найти и устранить причину. К сожалению, часто возникают совсем другие реакции взрослых. Первая неверная реакция состоит в том, что родители идут с ребенком в больницу, где весьма скоро получают диагноз (при абдоминальных болях наиболее вероятным будет дуоденит или гастрит). Если и дальше двигаться в этом направлении, то можно освободить ребенка от постоянного посещения школы и ввести домашнее обучение. Скорее всего, это приведет к тому, что ребенок будет отлично учиться, но не научится взаимодействовать с детьми. Любая трудность будет вызывать обострение заболевания и приведет к формированию профессионального больного. Ребенка научили, что самый эффективный способ ухода от проблемы – бегство в болезнь.

В качестве предостережения родителям я хотела бы нарисовать такую картину. Когда-нибудь мальчик вырастет, женится, у него появятся дети. И когда возникнет проблема с его ребенком, он, вместо ее решения, схватится за живот и ляжет на кровать. Нужно ли это кому-нибудь? Более того, проявления будут абсолютно объективными, а боль будет такой силы, что прикует к постели надолго. А если кто-то засомневается, то откроется и язва. Дело в том, что организм, включая психосоматический путь, не шутит. Реализация стресса не через изменение поведения, а через симптом ведет к реальным изменениям в задействованном органе. Например, в детстве – гастрит, потом – язва, а потом – прободение язвы.

Не лучше ли сразу показать, что проблемы имеют множество решений? И большая часть решений вообще находится вне соматического поля – в конкретном поведении.

Другая неверная реакция взрослых на симптомы ребенка состоит в том, что родитель может пойти на поводу у школы и вместе с учителями загнать ребенка в угол. Хочется верить, что сообщения о самоубийствах подростков после пробных тестов ЕГЭ окажутся надежными сигналами неэффективности подобного поведения родителей.

Еще один пример эффективного разрешения школьных проблем описывает в своих воспоминаниях Карл Густав Юнг. Однажды, когда он, будучи мальчиком, возвращался из школы, его толкнул одноклассник. Юнг упал, его привели домой. Несколько дней он не мог ходить в школу. Вскоре у него появился симптом: как только он брал в руки учебник, у него начинался припадок. Отец обращался к разным врачам, но те не могли найти причину болезни. Они освободили ребенка от посещения школы, и это были замечательные дни, когда мальчишка наслаждался свободой. Но в один такой прекрасный день, гуляя по саду, он случайно подслушал разговор отца с другом. Друг спросил о состоянии здоровья сына и отец с горечью ответил, что не знает, что можно еще предпринять. Он отдал все деньги врачам, и если сын будет продолжать болеть, это полностью подорвет финансовое положение семьи. Более того, сын не сможет содержать себя, когда родителей не станет. Это произвело сильнейшее впечатление на мальчика. Он пришел в кабинет отца, взял учебник латинской грамматики и стал учить урок. Через 15 минут возник первый припадок. Но мальчик преодолел себя и упорно

продолжал учить. Второй припадок мальчик также проигнорировал. Больше припадки не повторялись никогда. Так маленький Карл Юнг избавился от невротических симптомов, которые так любил, пока полагал, что они не имеют негативных последствий для него лично. Более того, именно их изучению он посвятил всю дальнейшую жизнь, стремясь избавиться от подобных проблем других людей.

Хочется подчеркнуть, что практически все дети в сложной ситуации могут демонстрировать психосоматические симптомы. Важно их заметить и бороться не с ними, а с причинами, их вызывающими. И никогда не наказывать ребенка, поскольку наказание может только усилить симптом.

Ложь дошкольника менее искусна, чем ложь школьников. Но и правда, поведенная школьником, может иметь более мощные последствия, чем правда малыша. До сих пор в обществе не прекращаются споры относительно поступка Павлика Морозова. В моем детстве он считался героем, который сказал правду, сообщив о месте, где его отец спрятал зерно. Это сейчас мы знаем, что родители скрывали хлеб, поскольку должны были планировать жизнь собственной семьи, чтобы не умереть с голоду.

Это непростой вопрос: свидетельствовать против своих родителей. Мы знаем, что в США совсем недавно девочка принесла в полицию сумку с наркотиками, которые употребляли ее родители. Это произошло после того, как помощник шерифа рассказал в классе о вреде наркотиков. Девочка оказалась в приюте, а родители – в тюрьме. Это сообщение раскололо общество, поскольку часть людей полагала, что девочка совершила подвиг, а другая часть думала, что она совершила предательство.

Как бы вы ни относились к подобным поступкам, необходимо помнить, что дети не должны знать все о своих родителях, чтобы нечаянно не подвести их.

Воспоминания многих людей, переживших период сталинских репрессий, подтверждают тот факт, что родители многого не говорили детям, боясь, что те могут нечаянно рассказать лишнее. До сих пор многие не знают истории собственных семей, поскольку в них не принято было рассказывать о прошлом, чтобы не навлечь неприятности. Однажды я проводила занятия в девятых классах и попросила школьников построить генограмму (генеалогическое дерево) вместе с родителями. Из 60 детей только двое составили большое описание своих семей вместе с бабушками. Подавляющая часть девятиклассников знала бабушек и дедушек только по именам, а родственников предыдущих поколений не знала совсем.

Наверное, и сейчас многие моменты взаимоотношений родителей детям знать не стоит. Но не по политическим соображениям, а потому, что родители нуждаются в приватности, в личностном пространстве, куда нет доступа даже их детям.

Решение данной проблемы в семье достаточно просто: родители сообщают детям не всю правду, а только ту, которая не навредит ни детям, ни родителям. Поскольку для того, чтобы ребенок не оказался в столь сложной ситуации, нравственными должны быть не только родители, но и общество. Пока же именно родители должны дозировать правду, прогнозируя ее последствия для семьи. Например, ребенок не должен знать ничего о сделке по продаже или покупке дорогостоящих вещей. Это убережет семью от проблем, связанных с хвастовством ребенка перед другими детьми о перемене в семье.

В школьном возрасте актуальны все типы лжи, свойственные дошкольникам. Ложь из страха перед наказанием, ложь из желания получить похвалу, стремления привлечь

внимание, повысить самооценку. Но теперь ложь может обеспечивать защиту друзей. Как научить ребенка отличать донос от правды в отношении друзей? Что делать, если одноклассники курят? Ребенок должен сообщать об этом? Кому? Если в школе кого-то избивают, как себя вести?

Страшные кадры избиения и учеников, и учителей, выложенные в Интернете, подтверждают, что это не праздный вопрос. Более того, открытое выступление ребенка может быть опасно и для него самого.

Поскольку в школах может существовать разная политика в области подобных проблем, очень важно, чтобы у ребенка были доверительные отношения с родителями, позволяющие рассказать о таких событиях. Получив подробные сведения, родители смогут сами решить, как действовать дальше в связи со сложившейся обстановкой. Крайне опасно, если ребенок останется один на один с этими знаниями.

В любом случае родитель должен провести профилактическую работу и объяснить, что донос – это получение выгоды от сообщения какой-либо информации учителям или родителям, тогда как изложение правды – это предотвращение вредных последствий неправомерных действий подростков.

Более просто разрешается проблема с курением. Задача взрослого в данном случае – научить ребенка противостоять насмешкам и ехидным замечаниям курильщиков. Это явится важным моментом личностного роста, когда ребенок научится отстаивать собственное мнение и достоинство и обосновывать собственную непричастность к компаниям курильщиков или пьяниц. Полезным будет, если отец возьмет сына на занятия спортом, а мать поведет девочку в фитнес-клуб, чтобы показать, как много людей следуют здоровому образу жизни. В любом случае занятый ребенок имеет меньше шансов попасть в дурную компанию.

Труднее обстоят дела с насилием в школе. Необходимо, чтобы ребенок не боялся сообщать о таких случаях родителям. После получения такой информации нужно прежде всего поблагодарить ребенка за доверие. Далее родители должны действовать по обстоятельствам и таким образом, чтобы ребенок не оказался козлом отпущения там, где администрация школы окажется бессильна, а родители хулиганов не захотят восстановить справедливость, постаравшись скрыть факты насилия.

В первом классе ложь и фантазия продолжают находиться в одном ряду.

Чем меньше внимания родители уделяют ребенку, тем больше вероятность формирования у него тотально лживого поведения. Например, девочка лет семи подходит к женщине, гуляющей с ребенком, и пытается начать беседу. Она говорит, что ей тринадцать лет, что у нее дома масса всевозможных вещей и расцветивает свой монолог яркими красками фантазий. Тут подходит другая девочка и задает резонный вопрос: «Почему ты говоришь неправду, что тебе тринадцать лет? Я учусь на класс старше тебя, а я только во втором классе». Первая девочка не теряется и тут же начинает выдумывать фантастические объяснения того, почему она ранее говорила ложь. Безусловно, причиной такой лжи являются серьезные семейные проблемы.

Ради доказательства собственного превосходства, даже сиюминутного, дети готовы лгать, хотя и знают о том, что последствия могут быть весьма тяжелыми. Сообщество подростков, особенно в окружении, где семьи существенно отличаются по уровню достатка, может быть весьма жестоким, не имеющим такта и не желающим щадить

чье-то достоинство. В этих условиях часть детей применяет тактику Карлсона – врет от слабости.

Если у одноклассников крутые мобильники, что делать ребенку, у которого он на порядок дешевле? Можно сказать, что у тебя настолько крутой аппарат, что ты держишь его дома, чтобы никто не украл.

Загляните в любую школу: сравнение возможностей мобильных телефонов – одно из типичных развлечений детей на переменах. Не стоит требовать от детей прекратить подобное поведение, поскольку экономическое неравенство будет существовать всегда и ребенку нужно научиться вести себя в таких условиях. Он должен привыкнуть к тому, что деньги и вещи – лишь средство достижения задуманного. Если родители полагают иначе и ставят деньги и вещи как цель в жизни, то они сами будут лгать и должны принимать такое же поведение ребенка. Цель в жизни, предполагающая поведение, основанное на правдивости, может включать либо самореализацию, либо личностный рост человека. Но в этом случае для достижения цели можно использовать не все средства, а лишь те, за которые впоследствии не будет стыдно.

Именно поэтому нужно регулярно объяснять детям, что купить все вещи невозможно и всегда у кого-то будет вещь лучше, чем у тебя. Когда-то мой сын-пятиклассник, придя из школы, стал рассказывать о том, какие мобильные телефоны есть у его одноклассников. В голосе слышались нотки зависти, поскольку его дешевый мобильник существенно проигрывал другим по многим параметрам.

Подобные разговоры и действия способны ликвидировать и еще одну причину лжи – получение желаемого. Очень важно, как уже говорилось ранее, чтобы ребенок участвовал в обсуждении расходов семьи и понимал ее возможности. Родители, в свою очередь, должны представить ребенку иерархию ценностей, принятых в семье. Например, первое место могут занимать большие траты на развитие каждого члена семьи, соответственно, другие статьи расходов будут сокращены. В этом случае ребенку покупают дорогостоящие музыкальные инструменты или спортивный инвентарь, но дешевый мобильный телефон. Можно продемонстрировать, каковы механизмы сбережения денег и каким образом ребенок своими действиями может помочь родителям в этом. Открытость родителей приведет к открытости ребенка. Но при обнаружении лжи стоит наказывать за нее сильнее, чем за проступок или ошибку.

Мы уже говорили, что иногда дети лгут, чтобы избежать наказания или стыда. В этом случае ответственность в полной мере ложится на родителей. Если ребенок лжет из страха наказания, значит, в действиях родителей преобладает эмоциональная составляющая, цель которой не изменить поведение ребенка, а снять напряжение родителей за счет самого слабого звена в семье – сына или дочери.

Многочисленные эксперименты с участием детей показали, что более сильное наказание не снижает вероятность лжи, а, напротив, повышает ее. Обычно при проведении подобных экспериментов детям показывают что-то очень привлекательное, например, яркую машину или робота. При этом ведущий предупреждает, что прикосновение к игрушке в его отсутствие будет связано с наказанием. Детей делят на две группы. Для одной группы предполагается достаточно слабое наказание за нарушение договоренности между взрослым и детьми, для другой – более сильное. Оказалось, что в каждой группе примерно равное количество детей

прикасалось к роботу в отсутствие ведущего. Но в дальнейшем, когда на других условиях был введен запрет на другое действие, дети из группы, которым обещали меньшее наказание, реже нарушали договор со взрослым. Это говорит о том, что, решив однажды сотрудничать со взрослым и не нарушать правила, дети из группы с мягким наказанием придерживались этого принципа и в других ситуациях.

Задача взрослого именно в том и состоит, чтобы ребенок переносил договор доверия на разные действия, а не заключал его с родителями в каждой конкретной ситуации заново.

-Мы проводили следующий эксперимент с детьми 6–7 лет. Они выполняли ассоциативный тест в разных условиях. Предварительно дети были разделены на группы по уровню интеллекта: выше среднего и ниже среднего (общий интеллект оценивался с помощью теста Равена). Тест заключался в том, что детям нужно было как можно быстрее придумать слово, противоположное называемому. Сначала они выполняли тест без дополнительных условий, а затем – при положительном и отрицательном подкреплении. При положительном подкреплении за несколько правильных ответов ребенок получал конфету, при отрицательном – за каждый неверный ответ у него забирали ранее заработанные конфеты. В конце исследования детям возвращали все конфеты.

Оказалось, что лучше всего с ассоциативным тестом справились дети из группы с более высоким интеллектом в ситуации без какого-либо подкрепления. Дети с более низким интеллектом при всех условиях работали хуже, но лучшие показатели достигнуты при работе на фоне наказания и худшие – безо всякого подкрепления. Таким образом, в очередной раз подтвердилось, что если ребенок работает на основе осознанного желания, то выполняет задание лучше, чем в случае работы с целью избежать наказания или заслужить поощрение. Именно поэтому самым надежным способом воспитания правдивости в ребенке является формирование в нем осознанного желания быть правдивым, чтобы почувствовать себя правомочным членом хорошей семьи.

Если ребенок лжет, потому что ему стыдно, значит, родители применяют чрезмерное моральное наказание. Чувство вины не должно быть завышенным. Если чувство вины ведет к личностному росту ребенка (он стремится сделать больше), то мы можем говорить о его разумной величине. Но если чувство вины ведет к лжи и стремлению не совершать никаких поступков, чтобы не делать ошибок, то родители переусердствовали с формированием ответственного поведения. Обычно такие родители требуют, чтобы ребенок повинился после совершения ошибки и пообещал больше так не делать. Мы уже говорили, что родителям необходимо дать ребенку немного самостоятельности в обдумывании и анализе последствий его поступков.

Суть вины заключается в том, что при совершении тех или иных ошибок и сам человек, и окружающие оценивают не конкретный поступок, а личность в целом. Оступился, наделал ошибок – значит, плох как личность. Когда об этом твердят с детства, когда на данном постулате построена вся система воспитания и образования, любой, в конце концов, искренне начинает верить, что ошибаться действительно плохо, стыдно и недостойно хорошего, порядочного человека. Помимо прочего, подобное воспитание ограничивает человека в оценке своих поступков и себя самого:

он может лишь критиковать себя, а добрые слова о нем могут говорить только окружающие. Подобный стиль воспитания формирует уникальный механизм самоуважения с двойным дном. С одной стороны, на сознательном уровне возникает интенсивная эмоция переживания собственной «плохости». С другой, на бессознательном уровне, она воспринимается как перевертыш (поскольку бессознательное должно находить хоть что-то полезное в своем носителе) – инвертированная эмоция самоутверждения: «Я повинился, значит, я – хороший!» Именно это подспудное переживание является причиной длительного и страстного самобичевания, в основе которого лежит извращенное самоподбадривание для тех людей, которым запрещено осознанно говорить себе: «Я хороший и достойный человек». И чем эмоциональнее винит себя человек, тем сильнее в нем этот второй пласт. При этом приятность чувства вины состоит в том, что оно не требует исправления ошибок – действия, направленного на восстановление ущерба. Оно лишь вызывает эмоцию.

Состояние ответственности – когда совершается поступок – предполагает иную последовательность эмоциональных переживаний. Осознав ошибку, ответственный человек отделяет себя как личность от поступка. Он ощущает себя хорошим и достойным при любых обстоятельствах, но действия свои оценивает по результату. Именно поэтому, совершив ошибку, он не занимается самобичеванием, а решает, что нужно сделать для скорейшего ее исправления и компенсации ущерба, а также для того, чтобы эта ситуация вновь никогда не повторилась. Человек сохраняет чувство собственного достоинства и отвечает за свои действия.

С психологической точки зрения есть существенная разница между людьми ответственными и виноватыми. Первые – самостоятельны, вторые – легко управляемы. Это объясняется тем, что первым не нужна внешняя оценка для признания собственной значимости, тогда как вторые напрямую зависят от нее. Именно поэтому родители, воспитывая в ребенке правдивость, отделяют лживый поступок от личности ребенка. Ребенок для них не теряет ценности в зависимости от проступка, они четко показывают, что наказывают его не за его личностные качества, а за ложь, прикрывающую проступок. В этом случае родители не сформируют в ребенке чрезмерное чувство вины и, как следствие, безответственное поведение.

Наконец, ребенок может лгать по причине некомпетентности. Я общаюсь с мальчиком 11 лет. Я пытаюсь ему объяснить, что невозможно знать все. Неожиданно он утверждает: «Но я знаю почти все».

– Ты знаешь и физику, и химию?

– Нет, мы это не проходили.

– Ты знаешь английский и сможешь сейчас прочесть книгу на этом языке?

– Нет, мы еще до этого не дошли.

– Тогда ты знаешь лишь то, что является содержанием твоих учебников? – И вдруг становится ясно, что 11-летний человек до настоящего времени не осознавал, что его знания ограничиваются кругом учебников. Он живет в обстановке, где считается, что содержание школьных учебников – это истина, и истина в конечной инстанции. По логике его учителей, человек, знающий информацию из учебника, знает все. Особенностью некоторых образовательных учреждений в настоящее время является некомпетентность отдельных учителей, преподающих учебный материал не как

знания, полученные человеком в процессе изучения природы и потому имеющие определенную долю истинности, а как саму истину в ее законченной форме. И дети, верящие таким учителям, искренне доверяются неправде.

Мы уже говорили о том, что восприятие и, соответственно, мышление ребенка определяются опытом. Когда ребенок живет в закрытом мире семьи и школы, у него нет знаний о собственном незнании.

Часто совершать проступки и потом лгать ребенка подбивают сверстники. Когда-то в моем детстве перед двухэтажным домом, в котором мы жили, был небольшой огород, где каждая семья что-то выращивала. Ребятишки никогда не покушались на овощи в этом огороде. Но рядом с нашим домом построили большой четырехэтажный дом, в котором было много ребят, воспитанных иначе, чем дети из нашего двора. Я помню, как они подбивали нас забираться в огород и есть овощи. Надо заметить, что есть их не очень-то хотелось, но групповое давление требовало поступать, как все. Мне и тогда было стыдно за это поведение, и сейчас мне жаль, что я не знала, как отказаться от участия в недостойных действиях. Следовательно, родители должны сами начать с детьми обсуждение того, что не следует присоединяться к совершению подобных действий.

Многочисленные исследования показывают, что младшие школьники легко поддаются групповому давлению. Например, в ходе одного такого эксперимента во время праздника детей приглашали в дом и предлагали взять по одной шоколадке. Если ребенок приходил в дом один, он обычно брал одну шоколадку. Если дети приходили группой, то большая часть из них хватала по нескольку шоколадок. Это связано с тем, что, находясь в одиночестве, ребенок точно знает, что его поступок станет известен. В группе же он анонимен, а потому ложь может остаться без последствий. Воспитание самоуважения позволит снизить силу группового давления на ребенка.

Существует еще одна причина лжи. Более того, такой лжи родители должны специально учить ребенка. Это ложь, направленная на сохранение жизни. В нашей семье есть предание об одной из прабабушек в ряду поколений. У нее умер муж, и она одна держала пасеку. Пасека находилась в отдалении от села, а потому, когда однажды пришли грабители, женщине не к кому было обратиться за помощью. Она накрыла дочь ветошью и велела молчать. Женщину пытали, чтобы узнать, где она хранит деньги, а потом убили. Она старалась не кричать во время пыток, чтобы не испугать дочь. Дочь осталась жива. Это предание повествует о том, что иногда ложь просто необходима.

Родители должны научить ребенка откровенно лгать, если он встречается с опасным человеком. При этом четко обозначить такого опасного человека для ребенка 7–8 лет весьма непросто. Например, оставшись один дома, ребенок может ответить незнакомым людям, звонящим в дверь, что родители спят. Когда на улице посторонний человек предлагает отвести ребенка домой к маме, необходимо бежать в толпу людей и искать там защиту и т. д. В любом случае ребенок должен знать о многообразии ситуаций и о том, что иногда ложь более спасительна, чем правда.